

ИСТОРИЯ. ЭТНОЛОГИЯ

DOI: 10.23671/VNC.2019.72.35251

АЛАНЫ НА СЛУЖБЕ ИМПЕРИИ ЮАНЬ. ВОСТОЧНЫЕ ХРОНИКИ

А.Л. Чибиров

Трагические последствия нашествия татаро-монгол на Аланию наряду с уничтожением государственности имели следствием последующие волны миграции уцелевшего населения, что способствовало возникновению крупных аланских поселений на западе и востоке Евразии. Мигрировавшие на территорию современной Венгрии аланы достаточно известны исторической науке, чего нельзя сказать о той их части, которая в свое время по тем или иным причинам ушла в Китай и Монголию. В начале XIII в. перед захватившими Северный Китай монголами стояли две первоочередные задачи: завоевание Южного Китая и организация управления над огромной территорией. Для этих целей они использовали представителей покоренных народов и в их числе алан как военную силу. Будучи в состоянии феодальной раздробленности, аланские князья не консолидировались в борьбе с общим врагом, наоборот – часть из них по разным причинам перешла на сторону противника, другие же подчинились монголам после захвата Алании. В статье приводятся множество примеров перехода на сторону врага аланских князей с подвластным населением и участие их в войнах монгольских ханов ради защиты интересов Юаньской империи. Процесс движения аланских всадников на восток проходит в три этапа: после поражения алан в 1222 г. до завоевания Алании Батыем и после окончательного покорения Алании в 1239 г. Судя по китайским и другим источникам, 30-тысячная аланская конница принимала активное участие во всех военных операциях монголов на востоке, проявив себя как отличные воины. Часть алан (или асуды) была направлена во Внутреннюю Монголию, где они со временем, живя разбросанно среди монгольских племен, ассимилировались, потеряв язык, культуру, религию. После падения монгольской династии Юань (1368), дружина алан-асов покинула Китай вместе с последним монгольским императором Тогонтимуром.

Ключевые слова: монголы, Алания, Китай, династия Юань, Монголия, аланы-асы, православие, католичество.

В XIII-XIV вв. средневековую Аланию постигла трагедия, которая стала завершающим актом недолгой истории этого государства. Известный алановед В. А. Кузнецов, оценивая масштабы катастрофы, постигшей Аланию в те годы, писал: «Нашествия 1238-1239 и 1395 гг. разметали аланское население хорошо обжитых пред-

горных вершин. Значительные массы алан, как предкавказских, так и донских, оказались вовлечены в новое «переселение народов» и заброшены на сотни и даже тысячи километров от мест обитания. Это был один из актов исторической трагедии Алании, завершившейся ее катастрофой» [1, 352]. Последствиями той катастрофы, на-

ряду с тотальным истреблением алан татара-монголами, стали последующие волны миграции оставшегося населения, которые способствовали возникновению крупных аланских поселений во многих концах известной тогда Ойкумены. К примеру, аланы-ясы, двинувшиеся после катаклизмов, накрывших Аланию, вместе с половецким ханом Котяном к венгерскому королю Беле IV и расселившиеся в Венгрии, представлены в исторической науке достаточно подробно. К сожалению, этого нельзя сказать о той части алан, которая вследствие череды военных поражений мигрировала на восток, в частности – в Китай. В этой статье мы попробуем восполнить существующий пробел.

Не будет ошибкой, если в известном изречении немецкого филолога и мифолога XIX в. Якоба Гримма «наш язык есть наша история» применительно к истории осетинского народа к слову «язык» добавить термин «эпос». В верности такого дополнения нас лишней раз убеждают следующие строки из известного нартовского сказания об Ахсак-Тимуре, опубликованного во втором томе сборника «Памятники народного творчества осетин», изданного в 1927 г. известным краеведом М. Гарданти. Сказание повествует о том, как Ахсак-Тимур вторгся в Дигорию, следствием чего стали масштабные бедствия, причиненные им местному населению. «Большинство народа было перебито в битве с ним, а остатки от них, ни на что не похожие, он увел с собой в Китай и из них там образовал отдельные села» (выделено нами. – А. Ч.) [2, 74]. Мы используем этот сюжет как отправную точку для последующего обзора, тем более что Ахсак-Тимур упоминается в еще одном историческом источнике. Это строки из старинной песни о «Задалески Нана», описывающие трагические события того времени:

Кровавый дождь, кровавый дождь
Над Тапан-Дигорией, над Тапан Дигорией.
От волков Ахсак-Тимура с железными пастями
Почернели их зеленые поля [3, 477].

Не вызывает сомнения тот факт, что под образом Ахсак-Тимура скрывается образ Тамерлана, или Хромого Тимура, испепелившего в XIV в. (1395) предгорные ущелья северной части Осетии. Представление о Тимуре в фольклоре осетин-дигорцев было двояким. В одном случае Тимур виделся им сверхъестественным существом, которое поднялось в небо и превратилось в Полярную звезду, в другом же с Тимуром был связан конец света. Исходя из последствий его нашествия на Аланию, второе представление было более правдоподобным. Сопоставляя эти два источника, Кузнецов подметил, что в данном случае в сказании и песне произошла контаминация двух татаро-монгольских нашествий на Аланию-Осетию.

Теперь что касается исторических фактов. Документы позволяют отредактировать нартовское сказание, которое отток населения на восток приписывает Тимуре. В действительности же этот процесс начался на столетие раньше – с похода Чингисхана на Кавказ в начале XIII в. и вторжения и завоевания Алании полчищами хана Батыя в 1238-1239 гг. Как отмечалось нами выше, нашествие татаро-монгол 1238-1239 гг. и последующий в 1395 г. окончательный разгром аланской государственности закрепил крах исторической Алании, способствовал рассеиванию остатков аланских поселений и миграции алан в разные концы света. Однако до начала завоевательных походов против народов, населяющих Северный Кавказ, монголы вполне успешно присоединили к себе всю Среднюю Азию и северные территории Китая.

Начало XIII в. ознаменовалось триумфальными походами монголов по всему миру. В частности, в 1211 г. Чингисхан вторгся через пустыню Гоби в Северный Китай и в 1215 г. захватил Пекин (Яньцзин). Было уничтожено 90 китайских городов, истреблено почти все их население, захвачена богатая добыча. Северный Китай стал монгольским владением [4, столб. 645-646]. Военные успехи монголов и как следствие

установление в Китае власти монгольской династии Юань поставили перед ними ряд задач административного характера применительно ко всем завоеванным территориям. В Китае монголы смогли познаться с некоторыми техническими достижениями, которые, наряду с отдельными формами административного и хозяйственного управления, они использовали для укрепления своего господства в завоеванных странах. Однако новые территории существенно отличались друг от друга. Это были земли, населенные народами с различными языками, культурой, ментальными особенностями, требовавшими новой системы управления. Естественно, что монгольские императоры не могли рассчитывать на лояльность местных китайских элит. Здесь же следует отметить, что монголы критически относились к собственным управленческим возможностям. Поскольку они прекрасно осознавали, что находились на более низкой ступени развития по сравнению с этими странами, особенно Китаем, и понимали, что не могут сами справиться с управлением, было принято решение привлечь для управления и продолжения завоеваний представителей покоренных народов, народов с древней и высокой цивилизацией и опытом государственности [5, 154].

Еще одно преимущество чужеземцев заключалось в том, что они никак не были связаны с местным населением какими-либо интересами или родственными узами, целиком зависели от своих монгольских патронов и, как правило, проводили ту политику, которая формировалась при монгольском императорском дворе. Помимо прочего, монголы приняли за правило детальное изучение особенностей покоренного народа, его способностей, и определение наибольшей пользы, которую можно извлечь в интересах Юаньской империи. В данном случае монголы посчитали, что для решения поставленных управленческих задач как нельзя кстати подходят народы, которые проживали на территории совре-

менного Казахстана, Центральной Азии, Северного Кавказа. В Китай были направлены представители тюркоязычных племен: кыпчаки, канглы, карлуки, найманы, киренты, онгуты, аргыны, исповедавшие мусульманство среднеазиатские ираноязычные таджики и персы, арабы, а также аланы с Северного Кавказа. Выбор таджиков, персов и арабов был обусловлен тем, что эти народы в домонгольский период стояли во главе местных государств с оседло-земледельческим укладом в различных районах Средней Азии [5, 154]. Эти народы использовались монголами в том числе и в налаживании различных торговых отношений.

Из представителей покоренных народов монголы формировали воинские контингенты, кадры управленцев и даже политиков. Всех их называли общим именем – сэму. Сэму являлись наиболее привилегированным после монголов сословием, образованным по этническому принципу из служивших в империи Юань представителей стран, лежащих к западу от Китая [6, 168]. Сэму играли важную роль: от них зависела безопасность Юаньской империи. Уже при Хубилай-хане и во все возрастающей степени при правлении его преемников безопасность трона обеспечивалась императорской гвардией, которая в значительной степени состояла из сэму [5, 132].

Судя по источникам, алан призвали на воинскую службу в первую очередь как отдельных воинов. Решая свои военные проблемы на востоке империи, монгольские ханы отправляли алан на восток, постепенно увеличивая их количество в своих воинских континентах в Китае. Как было верно подмечено известным историком Ю. Рерихом, «высшее монгольское командование, которое всегда лояльно признавало военные качества своих противников, по справедливости оценило большую доблесть аланов и мудрость их командиров. Потому оно было счастливо заключать с ними военный союз. С этого момента аланская кавалерия соединилась с монгольской

армией, и приняла участие с ней во всех военных операциях» [7, 242-246]. Монголы (впрочем, как всегда) оказались прозорливыми в оценках.

Накануне татаро-монгольского нашествия аланы были крупнейшим народом на Северном Кавказе, имевшим свою государственность. Их численность некоторые авторы доводят до двух миллионов, хотя цифра эта кажется маловероятной. Однако к началу XIII в. Алания далеко не была похожа на ту, которая была в середине XII в. при Дургуле Великом, то есть в период своего наибольшего расцвета. Государство переживало неприятную полосу феодальной раздробленности, начавшейся со второй половины XII в. уже после смерти Дургулея.

Перед нашествием татаро-монгол раздробленные аланские феодальные круги не проявили никакого стремления к единству и взаимопониманию и не организовались в борьбе с неприятелем. Решение оказать сопротивление монголам или перейти на сторону врага каждый феодал принимал сам. Времена, безусловно, были мрачные. Плано Карпини описывает выработанный метод воздействия монгольских военачальников на глав покоряемых земель следующим образом: «Они посылают... за государями земель, чтобы те явились к ним без замедления; а когда они придут туда, то не получают никакого должного почета, а считаются... презренными личностями, и им надлежит подносить великие дары как вождям, так и их женам, и чиновникам, тысячникам и сотникам... Для некоторых также они находят случай чтобы их убить... иным же они позволяют вернуться, чтобы привлечь других... Ибо их замысел заключается в том, чтобы господствовать на земле, поэтому они выискивают случаи против знатных лиц, чтобы убить их. У других же, которым они позволяют вернуться, они требуют их сыновей или братьев, которых больше никогда не отпускают, как было сделано с сыном Ярослава, неким вождем Аланов, и весьма многими другими» [8, 36-37].

***

Исторические хроники не позволяют точно назвать дату начала процесса движения аланских всадников на восток. По всей вероятности, этот процесс проходил в три этапа. Первых алан на восток стали направлять еще при Чингисхане в начале 20-х гг. XIII в. после поражения 1222 г. По устному сообщению доктора филологических наук, профессора Ц. Шагдарсурен (Монголия) в начале 20-х гг. XIII в. Субедей привел с Кавказа в Монголию 10 тысяч алан вместе с семьями. Второй этап отправки аланских отрядов на восток был осуществлен до завоевания Алании полчищами хана Батыея. Наконец, третий этап начался после полного покорения Алании войсками хана Батыея в 1239 г., когда на сторону победителя вынуждены были перейти уже те аланские князья, которые честно сражались с врагом. Проиграв, они подчинились судьбе. Китайские источники оставили подробные сведения о перешедших на сторону врага аланских феодалах вместе с подвластным населением. В основном миграционные процессы происходили при ханах Угедее (1229-1241), Мункэ (1251-1259) и Хубилае (1260-1294). Согласно источникам, всего на сторону монголов перешло более 70 аланских князей.

Итак, причина крушения Алании в 1239 г. заключалась не только в мощи монгольской армии, но и в феодальной раздробленности и междоусобицах, которые сотрясали Аланию к моменту прихода монголов. Помимо прочего, роковую роль сыграло поведение тех князей, которые перед вторжением полчищ Батыея предпочли откровенное предательство интересов своего народа и переход на сторону врага, вместо того, чтобы проявить инициативу по объединению сил и оказать коллективное сопротивление. Ради сохранения своих классовых позиций, подкупленные заверениями монголов, что они останутся владельцами своих областей, эта часть аланской элиты сразу же переметнулась в стан про-

тивника, поступаясь при этом национальными интересами [1, 335]. Как сообщает китайский источник XIII-XIV вв. «Юань-ши», количество владетельных князей, сдавших без боя целые районы Алании, было значительно. Об этом свидетельствуют и другие архивные материалы. Так, участник 12-й и глава 13-й и 15-й Российских православных миссий в Пекине архимандрит Палладий (П. И. Кафаров) писал: «Бату, с другими князьями, покорил роды Канли, Кибча (оба кипчаки. – А. Ч.), разбил города рода Орусы и людей их всех или убил, или пленил; только народы Асут (аланы. – А. Ч.) и других городов частью полонены, частью сами поддались. Не покорившиеся же громилась татаро-монголами поочередно и становились для них сравнительно легкой добычей» [9, 55]. Для иллюстрации сказанного ниже мы приведем несколько наиболее ярких примеров, характеризующих положение вещей.

1. В судьбоносные для Алании дни, еще при хане Угедее, на сторону татаро-монгол переметнулись трое братьев Бадур, Ма-тарша (от осет. *ма тарс* 'не бойся', 'бесстрашный') и У-цзор-бу-хан с подвластным населением и «с выражением покорности» [10, 299]. И это не все. Один из братьев, Ма-тарша «ходил с Монке (Мунке. – А. Ч.) походом на город Май-гэ-сы (Магас. – А. Ч.) и был начальником авангарда. В него попало две стрелы, но, воодушевившись храбростью, он овладел городом. Затем он участвовал в походе на провинцию Сы-чуань и дошел до горы Дяо-юй-шань. Умер Матарша в войне» [10, 299].

2. Одним из влиятельных аланских князей, перешедших без сопротивления на службу к монголам как только противник приблизился к его городу, был князь Арслан. Его воины, переданные в подчинение монголам, сначала были использованы в борьбе с непокоренными племенами Северного Кавказа. Когда погиб командовавший отрядом сын Арслана Асаньчень, отец направил отряд в Китай под командованием другого сына Нигэла (Николу), который

отличился в боях под началом монгольского военачальника Урянхатая. За воинскую доблесть тот подарил Нигэле коня и золото. Нигэла был убит стрелой во время похода на Сун. Хурдудар, сын Нигэлы, командовал сотней. По приказу Хубилай-хана подавлял восстания Наяна и умер от ран. Сын же последнего Худуттимур служил в свите императора Хайсана. За отменную службу трону он удостоился дорогих подарков, дослужился до поста заместителя командующего правым крылом императорской гвардии [5, 88].

3. Среди перешедших на сторону монголов асов оказался и глава одного из государственных образований Алании Хан-ху-сы (Кангуз). «Хан-ху-сы был родом ас. Он был правителем владения асов. Когда войска Угедее достигли границ его (владения), Хан-ху-сы с народом подчинился Угедее» [10, 282-283] на условиях, что останется владетелем своей земли и народа. Татары охотно пошли на эту сделку и даже наградили князя-предателя золотой пайцзой¹ и титулом «бадур» [10, 282-283].

4. В благодарность за сохранения «независимости» Хан-ху-сы было предложено создать конное войско численностью в одну тысячу человек, которое под командованием его сына Атачи было направлено в Южный Китай. Здесь вместе с другими воинскими соединениями всадники Атачи участвовали в завоевании юга Китая, при Мунке-хане сражались с китайскими войсками в провинции Сычуань и горах Тяюй, в ожесточенных сражениях против империи Сун. При следующем правителе, Хубилай-хане, Атачи вновь участвовал в боях за Сун, воевал с враждебными династиями Юань Чингизидами [5, 84]. Забегая вперед отметим, что наиболее трагичными для асов-алан оказались бои за империю Сун, и в особенности сражение 1275 г. в китайском городе Чан-Чао, где произошло настоящее избиение аских военачальников [1, 362]. Монголы не скупилась на награды отличившимся в боях. За умелые действия и проявленную храбрость Атачи получил серебро и был назначен темником. В це-

лом Атачи принял участие в более чем 20 крупных сражениях на территории Китая и Центральной Азии [5, 84].

5. Военную биографию Атачи продолжил и приумножил его более выдающийся сын Байдар/Бодур. Командуя тысячным войском, он сражался с Чингизидами на территории Восточного Туркестана и Семиречья. В Монголии Байдар доходил до Алтайских гор, отличился при подавлении восстания против Хубилай-хана в Бешбалыке (1285). Заслуги Байдара монголы оценили высоко: ему были пожалованы тигровая пайцза (что соответствовало званию десятитысячника, т.е. командира корпуса) и титул главнокомандующего. Кроме того, за ним было сохранено командование отрядом асов и присвоено звание *ас-бадур-даругачи* [1, 363]. Байдар умер в 1300 г. Сыновья Байдара, Орос и Фудин, наследовали его должности [5, 85]. Как свидетельствуют источники, не уронил воинскую славу отца и сын Фудин – первый даругачи² асской гвардии и заведующий делами Военного совета [11, 256, прим. 646].

Деятельность Байдара примечательна еще и тем, что он стоял у истоков создания частей императорской гвардии из асов. Начало формирования гвардии относится к 1272 г.; тогда в ней состояло три тысячи воинов и еще 700 служили в охране Хубилай-хана. Официально же императорская гвардия из асов была учреждена в 1286 г. До Сунской кампании аские формирования были разрознены, но после боев за Сунскую империю все аские подразделения вошли в состав созданной Байдаром гвардии. В начале XIV в. гвардия асов была реорганизована и усилена. Тюрки и асы составили и охранную гвардию сэму, которая была сформирована при Тимур-хане (1295-1308).

6. Аланский князь Коуэрци (Георгий) начал служить под командованием своего отца Фудэ (Петр), затем служил в монгольской армии при четырех ханах-императорах: Мунке, Хубилае, Тимуре и Хайсане. В разное время он возглавлял двухтысячный

отряд асов, участвовал в походах на Сун, воевал против противника двора Хайду и т.д. За боевые заслуги от всех императоров он получил высокие награды, а при Хайсан-хане выдвинулся на должность начальника канцелярии (*чжалухуачи*) империи. Боевые традиции отца продолжил сын Дэמידир (Дмитрий), который командовал сотней, а затем, как и отец, частями императорской гвардии асов. Боевые традиции семьи перешли и к внуку Коуэрци, сыну Дмитрия, которого звали Сяншань [5, 85].

7. До завершения карательной экспедиции в Алании на сторону монголов перешел князь Беккибай (Бецзеба), и со своим воинским отрядом отправился вместе с Мунке-ханом на юг Китая, где отличился в ряде сражений. При следующем императоре Хубилае, возглавляя левое крыло гвардии, он проявил храбрость в боях у озера Байкал, был награжден золотой и тигровой пайцзами, ценными подарками. Как жесткий и беспощадный по нраву и характеру, в дальнейшем он служил в учреждении, которое ведало проверкой благонадежности воинов гвардии. Должность Беккибай в гвардии унаследовал его сын Шилемынь. Под стать отцу был и другой сын – Шари [5, 85-86].

8. При Мунке-хане на сторону монгол переметнулся и Юруктама, который начал рядовым всадником и дослужился до почетных должностей. Он служил в гвардии под командованием Атачи и добился таких славных побед, что ему был пожалован титул *бадур* и должность тысячника в императорской гвардии. С уходом из жизни место его занял сын Шилабадур, также удостоенный титулов и подарков за храбрость, проявленную при подавлении мятежа монгольских феодалов владетелей. Ему наследовал его сын Ногайчин (Нахайчан), отмеченный за службу и храбрость еще более пышными титулами и наградами [5, 86].

9. При Угедей-хане вместе с правителем Кангузом покорился монголам и асский феодал Еле-бадур (Яньбадур/Илья батур). Как отмечено в источниках, его слава на-

чалась с того, что однажды на охоте он был атакован тигром, которого, схватив за язык, убил своим кинжалом. Как сообщает источник, «Еле-бадур пришел с правителем его государства, подчинился Угедею и отправился в Китай воевать за их интересы» [10, 282-283]. В авангарде монгольских войск он участвовал во всех операциях на юге Китая; возглавлял гвардию асов, подавлял антимонгольские восстания, был в должности тысячника, участвовал при взятии почти всех китайских городов на реке Янцзы, за что был одарен 50 ланами золота, золотой пайцзой и пожалован в тысячника, и в конечном итоге был убит при осаде г. Чан-Чао. Из двух сыновей Яньбадура-Еле-бадура один, Есудар, погиб при взятии г. Ян-Чу. Другого сына по имени Юй-ва-ши ожидала блестящая военная карьера. Он унаследовал от погибшего брата должность тысячника в войске асов, возглавил ряд аских гвардейских частей, показал себя истинным героем при походе на империю Сун, а при подавлении антиправительственного выступления захватил в плен предводителя мятежников. За выдающиеся заслуги и проявленную храбрость Юй-ва-ши удостоился особого знака отличия в виде золотой тигровой пайцзы и двух крайне престижных титулов: «великого полководца дальних походов» и «полководца, столпа государственности». Юй-ва-ши и его воины отличились и при кровопролитном сражении за г. Чан-Чао. После этого император говорил: «Кто кроме Юй-ва-ши, способен был выполнить это героическое дело? Если облечь Юй-ва-ши в чистое золото, этим не выразить ему моей благодарности» [10, 291]. Наследниками Юй-ва-ши стали его сын Икиратай (Ицилитай) и внук Байчу [5, 87].

10. На поклон к монголам вместе с тридцатью подчиненными асами и готовностью воевать в Китае явились два аских вождя – представители аских христианских семей Нигэла (Николай) и Елия (Илья). Оба аса проявили себя в сражениях, но особенно отличился сын Ильи, ставший команду-

ющим левым крылом гвардии ясов [5, 88].

11. Некий асский князь Николай перешел на сторону монголов и воевал в их рядах при императоре Мунке. Особенно прославился его правнук Джаян Бука, ставший крупным полководцем и получивший прозвище «знаменитый офицер». Он командовал сперва 400 аланскими воинами, затем левым крылом аланской гвардии. Среди феодальных верхов алан-асов были и такие, которых монголы использовали при осуществлении отдельных операций. Их перебрасывали на восток для подавления возникавших очагов сопротивления против правящей династии.

Такова вкратце далеко не полная военная биография алан-асов на службе империи Юань, принявших активное участие во всех крупных сражениях монголов на территории Китая. Однако к оценке их неоднозначного поведения можно относиться двояко. Так, с одной стороны, налицо предательство частью элиты Алании интересов своего народа, которая вместо призыва к объединению перед лицом вторгнувшегося врага, до победных сражений хана Батыя, предпочла сдаться врагу без боя. В результате «значительная часть равнинной Алании оказалось захваченной татаро-монголами, сама Алания как политическое образование перестало существовать. Эта была крупнейшая для средневекового Северного Кавказа катастрофа, резко изменившая соотношение политических сил в регионе, перекроившая всю ее жизнь и положившая начало новой исторической эпохе позднего средневековья» [1, 335]. С другой стороны, вряд ли стоит осуждать тех, которые, не посрамив честь и военные традиции своего народа, уже после катастрофы Алании, не видя смысла в дальнейшем сопротивлении, перешли на сторону победителя.

При всех обстоятельствах аланы-асы как воины показали себя на востоке с самой лучшей стороны. В том, что аланы-асы достигли в Китае максимально возможного статуса, «безусловно, сказались многовековые традиции и собственной военной куль-

туры бывших кочевников, и несение военной службы по приглашению в качестве федератов, союзников. Глубокие боевые традиции, выработавшийся своеобразный рыцарский кодекс чести воина-профессионала сделали аланских конных дружинников одними из лучших боевых частей своего времени. Монгольское правительство понимало это и часто использовало алан в наиболее серьезных операциях» [11, 362]. Высокую оценку деятельности аланских воинов в Китае разделяет и Ю. Рерих, который отмечал: «Под знаменем монгольских ханов меч алан снова начертал славную страницу своей истории» [7, 246]. Верность воинскому долгу аланы проявили и в том, что дружина асов была из числа немногих сопровождавших последнего монгольского императора Тогонтимура, покинувшего в 1368 г. Ханбалык (Пекин) после падения династии Юань [10, 300]. Аланы-асы были также среди министров и дипломатов юаньской империи [12, 8].

Для более полного раскрытия темы весьма важно прояснить вопросы о численности асов-алан в Китае до падения монгольской династии и судьбе асов, оставшихся на востоке. Нет единого мнения о численном составе алан в Китае. Ссылаясь на китайские источники, исследователь А. Кадырбаев называет 10 тысяч одних только воинов-асов, служивших в императорской гвардии [6, 88]. Цифра эта, на наш взгляд, существенно занижена. Не соответствует действительности и утверждение Кадырбаева о том, что массовое переселение алан на восток началось после битвы алан с войсками Джебе и Субедея в 1222 г.

В. А. Кузнецовым установлено, что численность алано-асских всадников (исключая резерв) при Хубилае составила 30 тысяч. Эту же цифру называет и итальянский католический миссионер, папский легат епископ Джованни Мариньолли, который более четырех лет был духовным пастырем китайских асов-алан: «Всех выше (стоят) также князья его государства, бо-

лее 30 тысяч, которые зовутся аланами и управляют всей восточной империей. Они христиане... благородный род аланов, являющихся ныне величайшим и благороднейшим народом в мире; всех красивее и храбрее мужи их, с помощью которых татары овладели Восточной империей и без которых никогда не достигли бы славной победы. Ибо собрал Чингиз-хан, первый царь татарский, их князей, числом 72, когда по воле божьей захотел покарать мир» [13]. Цифра в 30 тысяч одних только воинов не вызывает вопросов, но на восток аланы отправлялись со своими семьями. А членов семей оказалось так много, что в двух округах империи Юань – Чао-хе и Сугу – для них были созданы военные поселения, «в обязанности которых входило снабжение воинских частей оружием и другими военными принадлежностями» [5, 88]. Здесь же дислоцировались и войска. Об особой колонии асов, возникшей в результате переселения всадников со своими семьями, писали и католические миссионеры, посетившие Китай в XIV в. Если допустить, что у каждого из 30 тысяч воинов семья в среднем состояла из трех членов, то общая численность алан-асов в Китае была в пределах 100 тысяч человек, что представляется нам достаточно внушительной цифрой.

Второй важный фактор, объединяющий алан в Китае, был фактор религиозный. Фактически большинство ушедших на восток алан были обращены в христианство дважды. Так, в начале X в. они приняли православие из Византии, о чем свидетельствуют зафиксированные в источниках двойные имена асов, а уже в Китае усилиями католических легатов аланы сменили православие на католичество. Скорее всего, это произошло при первом их католическом пастыре Джованни Монтекорвино, смерть которого послужила поводом для отправки соответствующего письма папе Бенедикту XII. Согласно китайским источникам, 14 июля 1336 г. папе римскому Бенедикту XII было отправлено два письма из Ханбалыка (монгольское название столицы

юаньской империи, современного Пекина): одно от имени великого хана Токалмута (кит. *Шуньди*) с просьбой, чтобы папа молился за «нас и наших верных слуг аланов его христианских сыновей», а второе – уже от аланских князей. Содержание его таково: «Вашему Святейшеству должно быть известно, что мы уже давно осведомлены о католической вере вашим легатом, братом Иоанном де Монте-Корвино, наставлены им ради нашего блага и много утешены сим сильным, святым и терпеливым мужем, умершим восемь лет назад. С того времени мы остались без главы и без духовного утешения. Мы порадовались бы известию, что Вы позаботитесь о новом легате; но таковой сюда еще не пришел. Поэтому мы умоляем Ваше Святейшество позаботиться о наших душах, и прислать его нужно спешно, ибо мы в тяжелом положении без руководства, наставления и утешения... Дано в Камбалекке (Халбалыке) в год крысы, 6-й месяц на третий день новолуния». Весьма интересно, что первым, кто подписал письмо, был сын Байдара, Фотин Иовена, который упоминается в письме как «царь алан» на Востоке. Среди других подписантов значатся Сиан-Шан, Джаян Бука (Чц-хан бухуа) и др. [14, 224-225] Папа Бенедикт XII удовлетворил просьбу алан-католиков, и на смену умершему легату в Китай был послан другой – вышеупомянутый Джованни Мариньолли (1290-1360), который прибыл в Пекин в 1340 г. и оставался духовным пастырем алан в течении следующих нескольких лет. Христианская же община алан в Китае просуществовала вплоть до 1368 г. После изгнания монгольской династии Юань новая династия Мин упразднила все, что было связано с прежним монгольским режимом [14,231].

***

Монголы отправляли алан-асов в разные регионы своей огромной империи. Значительная часть направлялась с семьями в континентальный Китай, но были и

те, которые оседали на севере, в Монголии. Монгольский ученый Т. Очир отмечает, что «в собственно Монголию пришли предки современных осетин с Кавказа, потомки которых, омонголившись, образовали впоследствии род асуд» [15, 15]. Уверенно ориентируясь в этнической истории осетин, Очир пишет об обстоятельствах отправки алан в Китай, связывая это с разгромом Алании войсками Батые в 1239 г. [15, 15]

Трудно судить с позиций сегодняшнего дня о численности алан-асудов (или асодов) в Монголии. Сохранилось лишь одно сведение, согласно которому аланы численностью в одну тысячу, или минган, поселились в бассейне р. Хуанхэ [15, 16]. С распадом монгольского государства аланы, жившие в Монголии, продолжили заниматься скотоводством, стали поданными монгольских аристократов [15, 16].

Сотрудничество асудов и монголов было довольно тесным. Византийский историк второй половины XIII в. Г. Пахимер пишет, что «с течением времени соседние (с монголами. – А. Ч.), обитавшие в тех странах племена, каковы аланы, зихи, готы, руссы и многие другие, изучив их язык и вместе с языком, по обычаю, приняв их нравы и одежду, сделались союзниками их на войне» [16, 317]. Алано-асы настолько сблизились с монголами, что с конца XIV в. стали считаться принадлежащими к «правому крылу монгольского народа под именем Асут» [17, 131, прим. 8]. Асуды занимали в Монголии территории севернее провинций Датун и Калган. Как пишет Очир, «с конца XIV в. они вместе с еншеебу и харчин были объединены в один тумэн правого крыла Восточной Монголии, вследствие чего стали называться одним из пяти отковок еншеебу» [15, 16]. С начала 30-х гг. XV в. они подчинились монгольскому князю Аруктаю-тайши, весьма укрепились и принимали участие в войнах против Минской династии вместе с восточно-монгольскими князьями. В последующем вновь вошли в состав еншеебу³ (юншиебу), передавались от одного правителя другому и в

конечном итоге растворились среди них. Другой группе асудов – асодов, находившейся в составе семи северных халхаских отоков⁴, удалось образовать малый оток в хошуне Сэцэн; их численность в 1918 г. составила 173 человека.

Асуды также живут во множестве других сомонах⁵ Монголии (Немрег Цаган-дэлгэр, Гов-Угтаал, Дэрэн, Айраг и др.) [15, 16]. Обо всех перемещениях асудов по монгольским степям подробно сказано в монографии Т. Очира [15, 15-17]. Неблагоприятные условия крайней разбросанности в чужой пустынной стране, и к тому же уже более 700 лет, привели к ускоренной ассимиляции асудов, потере родного языка, обычаям, нравов, вероисповедания.

Первые сведения о монгольских аланах-асудах получены лишь по прошествии восьми веков. Как сообщал журнал «Советская этнография» за 1984 г., совместная советско-монгольская этнографическая экспедиция во главе с известным этнографом А. М. Решетовым сделала интересное открытие, согласно которому «в составе монгольского племени борджигинов⁶ на северо-востоке Средне-Гобийского аймака (сомон Цаган-Дэгэр) была зафиксирована группа асудов – потомков аланов, переселенных сюда с Северного Кавказа в раннем Средневековье. Судя по материалам экспедиции, асуды постепенно растворились в среде борджигинов, и хотя сохранили свое самоназвание, уже ничего не помнят о своем происхождении и не вы-

деляют себя из среды монголов [18]. Эти сведения соответствуют тому, что пишут монгольские авторы. В 2014 г. во Внутренней Монголии побывала научная экспедиция из Осетии, которая сняла документальный фильм об асудах (реж. Т. Туаева). Монгольский профессор Ц. Шагдарсурэн, упомянутый нами выше, показал членам экспедиции на карте район расселения асудов (юг и юго-восток от Улан-Батора, Восточно-Гобийский аймак). Профессор не сомневается как в их немонгольском происхождении, так и в том, что асуды – это осетины. По его словам, омонголившиеся аланы образовали впоследствии род асуд (асут, асод). Живя разбросанно среди монгольских племен, бывшие аланы ныне составляют один крупный оток, полностью омонголились и потеряли свои этнокультурные признаки [15, 15-17]. Последнее упоминание об асудах датируется в источниках второй половиной XIV в., после чего асуды становятся частью халхов – крупнейшего этноса современной Монголии. Сегодня в Монголии никто себя асудом больше не называет

В антропологическом же отношении с асудами произошел интересный симбиоз: наряду с монгольскими чертами асуды сохранили «отдельные ярко выраженные европеоидные признаки» [18, 1986]. В целом с ними произошло то же самое, что и с венгерскими ясами: в конечном итоге и те и другие растворились в новой этнической среде.

Примечания:

1. Пайцза – выдававшиеся китайским правительством разным лицам верительные дощечки с надписью, представлявшей правительственное распоряжение, объявление, повестку и т. п. П. бывали разные: деревянные, медные, серебряные и золотые, иногда украшенные драгоценными камнями.
2. Даругачи-чиновник для надзора, в обязанности которого входили перепись населения, сбор податей набор войск из туземцев
3. Юншиэбу, юншиэбу (монг. *еншөөбү*) – один из старинных монгольских родов. Потомки служилых людей, ведавших вопросами обслуживания двора Великих ханов со времён монгольской империи Юань.
4. Оток – часть улуса. Объединение ряда кочевых аилов (индивидуальных хозяйств).
5. Сомон – административная единица в Монголии.
6. Борджигин – монгольский род (обок), основателем которого источники называют Бодончара, младшего сына Алан-гоа.

-
1. Кузнецов В. А. Очерки истории алан. Владикавказ, 1992.
  2. Дигорское народное творчество в записи Михаила Гарданти // Памятники народного творчества осетин. Владикавказ, 1927. Вып. 2.
  3. Ирон адæмон сфæлдыстад. Дзæуджыхъæу, 2007. 1-аг том. (на осет. яз.)
  4. Советская историческая энциклопедия. М., 1966. Т. 9. Мальта – Нахимов.
  5. Кадырбаев А. Ш. Тюрки и иранцы в Китае и Центральной Азии XIII-XIV вв. Алма-Ата, 1990.
  6. Кадырбаев А. Ш. Тогонтимур – последний монгольский император Китая // Общество и государство в Китае: XLII научная конференция. М., 2012. Вып. 6. Ч. 1. С. 168-182.
  7. Рерих Ю. Н. Избранные труды. М., 1967. (Текст на англ. яз.)
  8. Карпини Дж. дель Плано. История монголов. Введение, перевод и примечания А. И. Малеина. СПб.: Суворин, 1911 // НА СОИГСИ. Ф. 4 (история). Оп. 1. Д. 2.
  9. Кафаров П. И. Старинные следы христианства в Китае // Восточный сборник. СПб., 1872. Т. I. Вып. I. С. 1-64.
  10. Иванов А. И. История монголов (Юань-ши) об асах-аланах // Христианский Восток. 1914. Т. II. Вып. III. С. 281-300.
  11. Старинное монгольское сказание о Чингисхане // Труды членов Российской духовной миссии в Пекине. СПб., 1866. Т. IV. С. 5-258.
  12. Бартольд В. В. Общие работы по истории Средней Азии. Работы по истории Кавказа и Восточной Европы // Собрание сочинений в 9 тт. М., 1963. Т. II. Ч. 1.
  13. Северный Кавказ в известиях западноевропейских путешественников и писателей XIII-XIV вв. (перев. Е. С. Зевакина) // НА СОИГСИ. Ф. 4 (история). Оп. 1. Д. 2.
  14. Хеннинг Рихард. Неведомые земли. Т. I-IV. М., 1962. Т. III.
  15. Очир А. Монгольские этнонимы: вопросы происхождения и этнического состава монгольских народов. Элиста, 2016.
  16. Георгия Пахимера история о Михаиле и Андронике Палеологах: 13 книг/Перев. под ред. проф. Карпова. Т. I. Царствование Михаила Палеолога. 1255-1282 // Византийские историки, переведенные с греческого при С.-Петербургской духовной академии. СПб., 1862.
  17. Владимиров Б. Я. Общественный строй монголов. Монгольский кочевой феодализм. Л., 1934.

18. Решетов А. М. Основные задачи и первые итоги совместных советско-монгольских этнографических исследований // Древние культуры Монголии. Новосибирск, 1985. С. 210-214.

Chibirov, Alexey L. – Vladikavkaz Scientific Centre of the Russian Academy of Sciences; chibiroff@mail.ru

ALANS IN SERVICE OF THE YUAN DYNASTY. THE ORIENTAL CHRONICLES.

Keywords: Mongols, Alania, China, Yuan dynasty, Mongolia, Alans-Asses, Orthodox Christianity, Catholicism.

Tragic consequences of the Tatar-Mongolian invasion into Alania, along with the destruction of the statehood resulted in the subsequent waves of migration of the survived population, which contributed to the establishment and growth of large Alanian settlements both in the west and in the east of Eurasia. The Alans, who migrated to the territory of Hungary, are quite well-known in the historical science, which is not the case with the part of the Alans who moved to China and Mongolia for whatever reasons. In the early XIIIth century the Mongolians taking over the Northern China faced the following challenges: conquering Southern China and arranging administration for this huge territory. For these purposes they used representatives of the conquered peoples, among them Alans, as military force. Being in the state of feudal disunity, the Alanian princes were not able to unite in the fight against a common enemy; in fact, part of them, for various reasons, defected to the enemy, others subjected to their authority after the occupation of Alania by Mongolians. The article gives a large number of examples of Alanian princes' defection to the enemy with their dependents and their participation in wars on the side of Mongolian khans to protect the interests of the Yuan Dynasty. The Alanian cavalrymen's movement to the east was carried out in three stages: after the defeat of the Alans in 1222, before Batu Khan's conquest and after the final conquest of Alania in 1239. According to the Chinese and other sources, Alanian cavalry, totaling to approximately 30000 warriors, was actively involved in all military operations of the Mongols in the east, where they proved to be great warriors. Part of the Alans (or Asuds) had been sent to the Inner Mongolia, where dispersed among Mongolian tribes, they were being assimilated losing their language, culture and religion. After the fall of the Mongolian Yuan Dynasty (1368), the Alanian retinue left China with the last Mongolian emperor Toghontemür.

REFERENCES

1. Kuznetsov, V. A. *Ocherki istorii alan* [Essays on the history of Alans]. Vladikavkaz, Ir, 1992. 390 p.
2. *Digorskoye narodnoye tvorchestvo v zapisi Mikhaila Gardanti* [Digor folk art recorded by Mikhail Gardanti]. *Pamyatniki narodnogo tvorchestva osetin* [Monuments of Ossetian folk art]. Vladikavkaz, Ossetian Research Institute, 1927, iss. 2. 158 p.
3. *Iron adæmon sfældystad* [Ossetian national heritage]. Dzauzhykau, 2007, vol. 1. 719 p. (in Ossetian)
4. *Sovetskaya istoricheskaya entsiklopediya* [Soviet historical encyclopedia]. Moscow, Sovetskaya entsiklopediya, 1966, vol. 9. Malta – Nakhimov. 508 p.
5. Kadyrbayev, A. Sh. *Tyurki i irantsy v Kitaye i Tsentral'noy Azii XIII-XIV vv.* [Turks and Iranians in China and Central Asia of the XIII-XIV centuries]. Alma-Ata, Gylym, 1990. 158 p.
6. Kadyrbayev, A. Sh. *Togontimur – posledniy mongol'skiy imperator Kitaya. Obshchestvo i gosudarstvo v Kitaye* [Toghontimur is the last Mongolian emperor of China]. *Obshchestvo i gosudarstvo v Kitaye: XLII nauchnaya konferentsiya* [Society and State in China: XLII Scientific Conference]. Moscow, Institute of Oriental Studies of RAS, 2012, iss. 6, part 1, pp. 168-182.

7. Roerich, G.N. *Izbrannyye trudy* [Selected Works]. Moscow, Glavnaya redaktsiya vostochnoy literatury izdatel'stva «Nauka», 1967.
8. *Carpini, del Pian del Carpine. Istoriya mongalov. Vvedeniye, perevod i primechaniya A. I. Maleina. SPb., Suvorin, 1911* [The history of the Mongals. Introduction, translation and notes by A. I. Malein. St. Petersburg, Suvorin, 1911]. *Nauchnyy arkhiv Severo-Osetinskogo instituta gumanitarnykh i sotsial'nykh issledovaniy (NA SOIGSI)* [Scientific archive of the North Ossetian Institute for Humanitarian and Social Studies (SA NOIHSS)]. Fund 4 (History). Inventory 1. Case 2.
9. Kafarov, P.I. *Starinnyye sledy khristianstva v Kitaye* [Ancient Traces of Christianity in China]. Oriental Collection, St. Petersburg, 1872, vol. I, iss. I, pp. 1-64.
10. Ivanov, A. I. *Istoriya mongolov (Yuan' – shi) ob asakh-alanakh* [The History of the Mongols (Yuan-shi) on Asas-Alans]. 1914. Christian East, vol. II, no. III, pp. 281-300.
11. *Starinnoye mongol'skoye skazaniye o Chingiskhane* [Old Mongolian legend of Genghis Khan]. *Trudy chlenov Rossiyskoy dukhovnoy missii v Pekine* [Proceedings of the members of the Russian Spiritual Mission in Beijing]. St. Petersburg, 1866, vol. IV, pp. 5-258.
12. Bartold, V.V. *Obshchiye raboty po istorii Sredney Azii. Raboty po istorii Kavkaza i Vostochnoy Yevropy* [General work on the history of Central Asia. Works on the history of the Caucasus and Eastern Europe]. *Sobraniye sochineniy v 9 tomakh* [Collected works in 9 vols]. Moscow, Izdatel'stvo vostochnoy literatury, 1963, vol. II, part 1. 1024 p.
13. *Severnyy Kavkaz v izvestiyakh zapadnoyevropeyskikh puteshestvennikov i pisateley XIII-XIV vv. Perevod E. S. Zevakina* [The North Caucasus in the news of Western European travelers and writers of the XIII-XIV centuries. Transl. by E. S. Zevakin]. NA SOIGSI [SA NOIHSS]. Fund 4 (History). Inventory 1. Case 2.
14. Henning, Richard. *Nevedomyye zemli. T. I-IV* [Terrae incognitae. Vols 1-4]. Moscow, Inostrannaya literatura, 1962, vol. III. 472 p.
15. Ochir, A. *Mongol'skiye etnonimy: voprosy proiskhozhdeniya i etnicheskogo sostava mongol'skikh narodov* [Mongolian ethnonyms: questions of the origin and ethnic composition of the Mongolian peoples]. Elista, Kalmyk Institute for Humanitarian Studies, 2016. 286 p.
16. *Georgiya Pakhimera istoriya o Mikhaile i Andronike Paleologakh: 13 knig. Perv. pod red. prof. Karpova. T. I. Tsarstvovaniye Mikhaila Paleologa. 1255-1282* [George Pachimer's story of Michael and Andronicus Paleologues: 13 books. Translation under the editorship of prof. Karpov. Vol. I. The reign of Michael Paleolog. 1255-1282]. *Vizantiyskiye istoriki, perevedennyye s grecheskogo pri S.-Peterburgskoy dukhovnoy akademii* [Byzantine historians translated from Greek at the St. Petersburg Theological Academy]. St. Petersburg, tip. Grigoriya Trusova, 1862. 526 p.
17. Vladimirtsov, B. Ya. *Obshchestvennyy stroy mongolov. Mongol'skiy kochevoy feodalizm* [The social structure of the Mongols. Mongolian nomadic feudalism]. Leningrad, the USSR Academy of Sciences, 1934. 224 p.
18. Reshetov, A.M. *Osnovnyye zadachi i pervyye itogi sovmestnykh sovetsko-mongol'skikh etnograficheskikh issledovaniy. Drevniye kul'tury Mongolii* [The main tasks and the first results of joint Soviet-Mongolian ethnographic research. Ancient cultures of Mongolia]. Novosibirsk, 1985, pp. 210-214.